

«Сегодня Хелен улыбнулась мне...»

Выступление Жана Ванье перед студентами-психологами Института психологии Российской Академии образования. Москва, май 1998 года

Хотя я не говорю по-русски, но меня очень интересует язык, потому что язык связан с общением. А чтобы общаться, надо понимать людей. Вот уже 33 года я живу с умственно отсталыми людьми, и самый важный вопрос — это вопрос общения. Где боль этих людей, их нужда? Чего они хотят? Вопрос не в том, что я должен для них что-то делать, главное — это понимание. Конечно, никто не может достичь этого в одиночку. Как сейчас мне нужен переводчик, для того чтобы общаться с вами, так все мы нужны друг другу. И если мы живем или работаем с очень сломленными людьми, нам надо быть вместе, делать это вместе. Потому что то, что понимаете вы, я не понимаю, или у вас есть контакт с каким-либо человеком, а у меня этого контакта нет. Живя с глубоко умственно отсталыми людьми, я открыл для себя: очевидно то, что им нужен я, но — что менее очевидно — они нужны мне.

Мы исключили эту часть людей из общества, и надо вернуть их назад, в общество, потому что они могут нас чему-то научить. Основа всего того, что мы переживаем, — это то, что каждый человек важен. Каждый из вас важен. Каждый человек, каким бы он ни был ущербным, — важен. Ему есть что сказать о том, что такое быть человеком.

Я расскажу вам историю об одной молодой женщине из нашей общины на Филиппинах, глубоко умственно отсталой. Когда несколько лет назад я приехал в эту общину, то увидел ее лежащей на руках у Кико.

Кико японка, ассистентка «Ковчега» уже около 15 лет... В наших общинах на сегодня моя роль — это сидеть рядом с человеком и спросить его: «Ну, как дела?» Вы знаете, что в наших общинах мы принимаем людей глубоко умственно отсталых, часто озлобленных или в депрессии. Как мы живем с людьми, у которых депрессия, которые бывают буйными, у которых серьезные повреждения личности? Моя роль — говорить с ассистентами и спрашивать их, как они живут. Потому что если у нас все хорошо, то и другим людям хорошо. Если нам, ассистентам, плохо, тогда мы не можем ничего дать другим людям. Я сидел рядом с Кико и спросил: «Как поживаешь?» Она сказала: «Не очень хорошо».

В эту общину мы приняли троих. Рэй, маленький мальчик, очень беспокойный, ему было тогда около десяти лет... Гиперактивный, он провел всю свою жизнь в интернате; он не мог говорить и очень боялся взаимоотношений. В технических терминах, он аутичный. Но лично я не люблю ярлыки. Это опасно. Если мы просто скажем: «он аутист», мы забываем, что он мальчик, который страдает, что в нем много тревоги и страха. Нам надо очень осторожно относиться к диагнозам, к наклейкам, потому что мы наклеиваем на кого-то ярлык — и все вроде в порядке. Мы забываем, что за наклейкой — человек... Про Рэя Кико сказала: «С ним еще ничего — нелегко, но мы работаем, мы учимся общаться».

А еще был Джордан, тоже с очень серьезными нарушениями. Человек, который не может ходить, говорить, который провел всю свою жизнь в закрытом заведении. Он очень мирный молодой человек, и Кико про него сказала: «С ним хорошо».

Держа на руках Хелен, она сказала: «С Хелен трудно». Хелен слепая, не может говорить, с очень серьезными расстройствами. И Кико сказала: «Самое сложное — это то, что она не общается. Она не сердится, не улыбается, она в совершенной апатии и ни на что не реагирует. Уже четыре месяца, как мы взяли ее из интерната, — и самое сложное то, что она не реагирует». Я сказал: «Мне кажется, у Хелен депрессия». И мы говорили с Кико о депрессии. Что случается, когда у ребенка депрессия? Почему у ребенка бывает депрессия? Почему ребенок отказывается общаться? Когда он запирает себя в тюрьме, в одиночестве... И почему дети впадают в депрессию? Почему они выходят из депрессии, если это случается? Мы говорили о депрессии у детей. И я

предложил Кико, чтобы она продолжала прикасаться к Хелен с любовью, нежно с ней разговаривала, пела ей песни, кормила, купала ее с любовью. Я сказал: «Если Богу угодно, то, может быть, в один прекрасный день она выйдет из депрессии». И добавил: «В тот день, когда она улыбнется тебе, пошли мне открытку».

Кико согласилась. Через три месяца я получил открытку: «Сегодня Хелен улыбнулась мне. С любовью, Кико». Кико японка, и слов зря не тратит. Через какое-то время я позвонил туда, и мне сказали, что Хелен лучше, она все больше улыбается.

Я хочу сказать о том, почему Хелен вошла в депрессию и почему она вышла из нее. Многие люди, инвалиды, не хотят жить. И зачем им хотеть жить, если никто их не ценит, если семья в большом горе из-за того, что у них такой ребенок. Если родители помещают их в специальное заведение, а они ничего не могут с этим сделать — зачем жить? Многие из них хотят умереть. Когда мы принимаем таких людей, как Хелен, происходит борьба: она хочет умереть, а мы хотим, чтобы она жила. Надо проломиться сквозь депрессию и пробудить сердце, чтобы у нее появилось желание жить.

Чтобы понять Хелен, нам надо поговорить о детях. Каждый ребенок рождается слабым, ранимым, хрупким. Некоторые из вас — матери или отцы, вы держали младенца на руках. Невероятна красота маленького ребенка, но столь же невероятна и его хрупкость, ранимость. Его так легко ранить. И, конечно, ребенок ничего не может делать сам. Если ребенок голоден, он не может пойти и взять в холодильнике еду; если младенцу холодно, он не может сам накрыться. Каждый из нас когда-то был таким ребенком — совершенно беспомощным и ранимым. Когда ребенка любят, мать слышит его плач и понимает, что он означает. Когда мать держит ребенка на руках и ребенок начинает кричать, мама говорит: зубки режутся, или — у него животик болит, или — он плохо спал. Мать всегда как-то интерпретирует плач, пытаясь понять боль, почему ребенок плачет, как ответить ребенку. Когда младенец плачет и мать понимает его плач, тогда ребенок чувствует, что его любят и понимают, он чувствует себя в безопасности, защищенным.

Младенцу надо знать, что его ценят. И, может быть, всем нам тоже это нужно — чтобы кто-то сказал нам: ты драгоценен. Каждому ребенку нужен кто-то, кто сказал бы: ты неповторим. Когда вы видите младенца на руках его матери, вы видите, что лицо младенца мирное. А что случается, когда ребенка не хотят? Когда он чувствует, что его не любят, когда на него смотрят как на помеху? Во-первых, он чувствует одиночество. Одиночество — нечто очень болезненное. Я думаю, все вы когда-нибудь переживали одиночество. Быть одиноким — это быть как бы отсоединенным от других людей. Я никому не нужен, никто меня не ценит, я одинок. Это очень болезненно — чувствовать одиночество, потому что от одиночества происходят тревога, беспокойство, внутреннее возбуждение. Много энергии, но у этой энергии нет фокуса, какая-то «дикая» энергия внутри нас.

Мы в замешательстве, мы не знаем, что сделать, чтобы выйти из этого состояния. Могут нарушиться сон, пищеварение. Мы совсем не можем есть — и тогда у нас анорексия, а может быть, мы хотим все время есть — и это булимия. И все это внутренняя боль. Тяжело, когда много внутренней боли. Но затем происходит что-то еще: эта внутренняя боль становится виной или стыдом. Когда меня не любят — это значит, что я нехороший; если меня не любят, отвергают — значит, я плохой, я злой. Очень тяжело чувствовать, что ты никому не нужен, и тогда возникает сломленный образ самого себя. И когда ребенок переживает достаточно много такой боли, ему необходимо найти ей выход.

Наше тело и наша психика удивительно устроены. У нас есть свои формы анестезии, потому что самое сложное для нас — это переживать боль. У каждого есть свои способы подавлять боль. Когда вы чувствуете беспокойство, когда в вас это внутреннее волнение, эта несфокусированная энергия, что вы делаете? Что обычно делают люди, когда их охватывает сильное чувство тревоги? Они стараются что-то сделать, чтобы эту тревогу успокоить. Они могут лежать и смотреть телевизор, чтобы как-то успокоить свою боль. Может быть, они звонят другу: сделай что-нибудь, потому что во мне нет мира и столько беспокойства. Мы находим способ успокоить свою тревогу. А ребенок? Что может сделать младенец? Ему ничего не остается, как просто переживать эту боль.

Но ребенок может удалиться в мечты.

Мы все умеем отрезать себя от реальности, погрузиться в мир мечты и воображения.

Помню разговор с одной девушкой, студенткой университета. Мы говорили о мечте и реальности, и она сказала: «Ненавижу реальность, это слишком больно». У нее была болезненная семейная ситуация. Она сказала: «Я люблю мои мечты». Я сказал ей: «Я тебя понимаю». Это способ выжить для некоторых людей. И так можно стать психически ненормальным, просто спрятаться в свои мечты, потому что реальность — это слишком ужасно. Я не хочу сказать, что отсюда происходят все психические расстройства. Есть, очевидно, какая-то химическая реальность. И я сказал той девушке: «Я понимаю. Я надеюсь — может быть, в один прекрасный день ты найдешь друзей, которые помогут тебе прикоснуться к реальности и принять ее. Потому что обрести мир в самой себе можно только тогда, когда ты каким-то образом принимаешь реальность. Если ты останешься в мире мечты, ты будешь одинока».

Ребенок может убежать в другой мир. Он может отрезать себя от своих эмоций и оказаться во внутренней тюрьме. Мы не знаем историю Хелен. Мы нашли ее в интернате, где очень много таких детей и очень мало сотрудников, которые отдают им свое время. Иногда мамы помещают детей в приюты не потому, что они не любят ребенка, но именно потому, что любят. Бывают сложные ситуации. Мать может быть очень бедной, или у нее много других детей, или нет мужа — и она видит, что не в состоянии ухаживать за ребенком. Из-за того, что ребенок так серьезно болен, она говорит: будет лучше, если за ним присмотрят в больнице, где есть специалисты. Но на самом деле больница — не место для взаимоотношений, а для временной помощи здоровью. Нам не надо осуждать родителей, которые помещают своих детей в интернаты. Насколько я знаю, у родителей очень много боли внутри. И есть боль у Хелен. Для ребенка тревога — это сломленные взаимоотношения, сломленное общение, и так для каждого из нас. Когда мы кого-то любим и этот человек из нашей жизни исчезает, в нас много тревоги и боли.

Хелен была в больнице, и что ей было нужно? Ей нужна была мама, которая бы сказала: я тебя люблю, я хочу быть с тобой, ты важна для меня. Но мамы рядом не было; она переживала много боли и скрылась за стеной, отрезав от себя свои эмоции. Она не хотела больше общаться, не хотела взаимоотношений. И что может помочь Хелен выйти из этого состояния? Ей нужна безусловная любовь, которую обычно каждый ребенок получает, по крайней мере в первые месяцы своей жизни. Кто-то говорит ему: я тебя люблю — кричишь ли ты, грязный ли ты, — просто люблю, потому что ты мой ребенок. Так что единственный шанс для Хелен выйти из депрессии — чтобы кто-то открыл ей ничем не обусловленную любовь.

Когда мы любим, как мы передаем свою любовь? Тем, как прикасаемся, тем, как говорим, тоном голоса, тем, как мы поем, тем, что мы счастливы от присутствия тех, кого любим. И это открывает им, что они драгоценны для нас. Что тогда происходит? Мы не знаем этой тайны, но в какой-то момент Хелен захотелось выйти навстречу. И это ее свобода — то, что нельзя запрограммировать, но на что можно надеяться, и с Хелен это произошло. Тайна каждого человека, каждого ребенка — то, как мы отвечаем на любовь или не отвечаем на любовь. Что такое любовь? Это не что-то делать для людей, но главным образом — что-то открывать другому человеку. Открывать другому, что он ценен. И когда мне открывают, что я ценен, я могу в это поверить.

Любить — это также понимать людей, понимать их боль. В нашу общину мы приняли молодую женщину по имени Джейн. У нее гемиплегия, парализованы рука и нога, она очень располнела. Долгая история пребывания в казенных заведениях... Она очень сердитая и буйная, но она не бросается на людей. Она выражает злость вербально и ломает вещи. И мало-помалу нам открылось то, почему она такая. Проблема не в том, как остановить ее буйство, а чтобы понять — почему она озлоблена. Потому что ей хотелось иметь ребенка. У ее сестры было трое детей, и она завидовала своей сестре, она злилась. Но это нормально: было бы странно, если бы она не злилась. Каждая женщина страдает, если у нее нет ребенка. Ее тело создано для детей. И Джейн была разгневана — на себя, на сестру, на Бога, на природу, на все. Так что вопрос был не в том, как остановить ее злость, но чтобы сказать ей: я тебя понимаю... Это трудно для тебя, это больно, но, может быть, эту боль души можно выразить как-то иначе? Может быть, ты можешь сказать о своей боли каким-то иным образом? Не обязательно кричать на людей...

У всех нас бывают разочарования, и всем нам приходится переживать то, что нам неприятно. Вопрос в том, как выразить свой гнев, как выразить разочарование. И самое важное, что было нужно Джейн, — это чтобы ее поняли, чтобы она увидела себя не плохой, но нормальной, и чтобы она открыла, кто она есть на самом деле.

Любить — это также передавать людям ответственность за их жизнь, помогать им самим делать выбор. Не говорить, что им надо делать, но помочь сделать свой собственный выбор. Это могут быть очень простые вещи: выбор одежды, прически — что угодно, для того чтобы человек взял жизнь в свои руки. Не нужно всегда и во всем слушаться других, но следует самому отвечать за себя. Нам надо помогать другим, чтобы они сами делали выбор.

Я расскажу немного о том, как я вошел в мир этих людей. Я был офицером военно-морского флота, и последний корабль, на котором я служил, был авианосец. В то время я начал понимать, что мне не нравится жить ради войны, все время готовиться к войне, что нужно что-то еще. Я оставил флот. Мне хотелось побольше узнать об Иисусе и Евангелии. Я стал изучать философию и получил докторскую степень, затем преподавал философию в Канаде. И вот мой друг, священник, который служил в небольшом приюте для умственно отсталых людей, написал мне о том, что он открыл, общаясь с такими людьми. Это люди, у которых немного знаний, но у них огромное сердце (ведь бывает наоборот — очень большие знания и очень маленькое сердце), и что важно каждому человеку помочь понять, кто он есть и что он может давать.

Я был в некотором страхе: как общаться с людьми, которые не разговаривают, и даже если они говорят, то о чем говорить? Так что во мне было много тревоги. Но я приехал, и меня тронули эти люди. Каждый из них много страдал, и все они звали о дружбе. Моим студентам философии нужно было знание, а тут люди, которым отчаянно нужны взаимоотношения. И каждый из них своим телом, своим лицом или словами задавал один очень важный вопрос: любишь ли ты меня? хочешь ли стать моим другом? придешь ли ты еще? Они выражали своим телом или словами эту нужду во взаимоотношениях, потребность в друге. И это тронуло меня. И еще один вопрос задавало их тело, очень важный вопрос: почему? Почему мама с папой бросили меня? почему люди смеются надо мной? почему меня отталкивают в сторону? почему я не могу быть как мои братья и сестры? почему я падаю? — это огромное «ПОЧЕМУ». Никто из нас не выбирал, рождаться нам или нет. Мы не выбирали себе ни пол, ни имя. И как ребенок может понять — почему он никому не нужен? Это огромный вопрос. Такой вопрос задают все люди, которые так или иначе угнетены или ранены. Какой смысл моего существования?

И я услышал эти их вопросы. Я всегда жил в мире победителей: по-своему преуспевал и в морском флоте, и в философии. И вот я начал открывать мир проигравших. Я ходил по психушкам — есть психушка в сорока километрах от того места, где я сейчас живу, — там жили четыре тысячи человек: две тысячи помещенных туда временно, на период лечения, и две тысячи тех, кого называют хрониками и которые проводят там всю свою жизнь. Из тех двух тысяч хроников примерно половина психически больные и половина с умственной отсталостью. Так было в 1964 году, и за прошедшие 34 года положение несколько изменилось, в больнице осталось намного меньше пациентов... Но тогда меня тронула вся та боль, которую я там нашел. Я зашел в комнату, которая гораздо меньше той, где мы с вами сейчас находимся, где кругами ходили сто пятьдесят мужчин и женщин без дела, без работы, некоторые лежали на полу, и от них пахло мочой, — очень болезненная ситуация. Я посетил много разных интернатов и больниц по всему миру. И я могу вам сказать, что умственно отсталые люди — самые угнетенные люди этого мира. Я посещал также психушки или интернаты в Москве, на Украине...

Видеть боль людей... Я помню палату детской больницы в Бразилии. 10 часов утра, 20 кроватей с каждой стороны, я захожу — и ни один ребенок не кричит, не плачет. Тишина. Что случилось? Сорок детей — и ни один из них не плачет. Почему? Потому что они в депрессии. Ты не кричишь и не плачешь, когда знаешь, что никто на это не ответит. Ты кричишь, когда знаешь, что кто-то отзовется. И меня потрясла вся та боль, которую я увидел.

В одном интернате, наверное, плохом интернате, я встретил двоих мужчин. Рафаэль в юности перенес менингит, его мозг был поврежден, и поэтому способность говорить ограничивалась

несколькими словами. Он также с трудом сохранял равновесие и часто падал. У Филиппа в детстве был энцефалит, рука и нога парализованы. Обоих, когда их родители умерли, поместили в интернат. И меня тронули эти двое. Их прошлое было совсем не похоже на мое прошлое. Я всегда мог делать выбор, я ничем не болел, когда мне было три или пять лет, а они болели, и их отталкивали.

Меня это глубоко тронуло, и я пригласил их обоих жить вместе со мной. Я нашел маленький дом на севере Франции, в небольшой деревушке. Это был плохой дом: там не было туалета, один кран, не было душа. И мы втроем начали жить вместе. Я получил необходимое разрешение от местных властей. Я готовил, поэтому еда была не очень вкусной, — и постепенно мы стали узнавать друг друга. Я начал чувствовать боль их сердца. Что значит для Рафаэля или Филиппа, когда ты никому не нужен, когда тебя помещают в интернат и никто тобой не интересуется?

Мы начали жить вместе. И я скоро понял, что им совсем не интересно жить с бывшим офицером военно-морского флота, который всем говорит, кому что надо делать. У меня есть такая склонность — говорить другим людям, что им надо делать. И им не особенно интересно было, что я бывший преподаватель философии и что-то знаю. Они хотели того же самого, чего хочу я сам и чего хотите вы, — жить с другом. Это очень просто — жить с другом. А чего хочет друг? Чтобы быть принятым таким, какой ты есть. Не надо быть кем-то еще, тебе позволяют быть самим собой. И, конечно, друг помогает развивать твой потенциал. И это то, что было нужно Рафаэлю и Филиппу, — чтобы их принимали такими, какие они есть, и помогали развивать их потенциал, их способность что-то делать, работать, выбирать себе одежду или еду, пойти в деревню и купить в булочной хлеба. Они просто хотели быть людьми.

Мало-помалу я начал понимать, в чем они нуждаются. Но я понял также, что это меняет меня самого. Меня всегда учили быть компетентным, эффективным — такова была моя жизнь. И мне надо было меняться, чтобы стать их другом, просто быть вместе: вместе есть, вместе развлекаться, общаться. Им, Филиппу и Рафаэлю, было нужно что-то вроде семьи. И постепенно их поведение стало меняться. Иногда Рафаэль очень злился, брал палку и пытался ударить Филиппа по голове, потому что Филипп слишком много говорил, а Рафаэль не мог говорить... Многое из этой злости понятно — оно происходило из того, что они пережили в детстве. Но их поведение менялось. Знаете, когда вы кого-то уважаете и по-настоящему слушаете, они начинают уважать других людей, и так создается движение уважения к человеку. Если мы любим другого, а любить — значит открывать другому его ценность, — он может начать делать то же самое для окружающих.

И вот стали приходить люди, чтобы мне помочь. Мы стали есть немножко лучше, мы смогли принять новых людей, и так стал расти «Ковчег». В нашей общине сегодня, наверное, около двухсот человек, которые живут в небольших домах. Есть мастерские и много всего другого. И сейчас по всему миру около 109 общин «Ковчега». Есть две в Польше, одна в Венгрии. Все они построены на одних и тех же принципах. Людей берут из казенных заведений, тех, у кого сложные ситуации в семье, — и мы пытаемся строить что-то вместе.

Чему я научился? Наверное, двум основным вещам. Прежде всего — видеть невероятную красоту каждого человека: красоту Хелен, когда она вышла из депрессии, красоту Рафаэля и Филиппа, но также красоту любого из нас. Мы все очень красивые люди, и мы сможем изменить историю мира, если мы будем доверять себе и своей способности открывать другим их красоту. И еще я узнал нечто о своем сердце. Я во многом жил головой, и мне надо было переместить центр тяжести из головы в сердце. Когда я говорю о сердце, я говорю не просто об эмоциях, а о том, что можно по-настоящему ценить людей, устанавливать взаимоотношения, чтобы они могли быть самими собой и обрести свободу. Сердце может стать «грязным» местом, когда мы хотим держать другого человека под контролем. Но сердце может также ценить людей, и это освобождает другого. Я многое понял о сердце человека, о сердцах людей, таких как Хелен или Джейн, с их злостью, агрессивностью, депрессией. Но когда они открывают, что их действительно любят, тогда они переходят от желания умереть к желанию жить.

И еще я понял кое-что о моей собственной злости, моей агрессивности. Мы все — это смесь любви и ненависти. И в некоторых ситуациях, которые я переживал, умственно отсталые люди сильно провоцировали меня, и это поднимало огромную энергию злости. Я помню Люсьена: он не мог ходить, не мог говорить — очень сложный человек. Тридцать лет он прожил с мамой, у него были прекрасные взаимоотношения с мамой. Мать могла понять каждый его вздох, каждый плач, каждое движение — очень глубокие взаимоотношения были у этих двоих. Но мама заболела, ее положили в больницу, и тогда Люсьена в 30 лет положили в другую больницу, разломав взаимоотношения. Люди вокруг не понимают его. Он кричит, ему нужна мама, он не понимает, почему мамы нет. И, наконец, Люсьен попал в нашу общину. Но его беспокойство было таково, что он кричал, кричал и кричал. Это понятно, это нормально. Мы все бы кричали, если бы нас отделили от мамы, единственного человека, который нас любит. В Люсье-не было много боли, и я мог понять его тревогу, — но тем не менее его крик проникал в меня и пробуждал во мне мой собственный крик, мое собственное беспокойство. И во мне поднималась злость...

Я могу понять, почему некоторые матери бьют своих детей. В Америке я был в одной больнице, где большинство детей госпитализированы, потому что их избили родители. Почему так случается? Мать с тремя детьми оставил муж. Ей надо работать ради денег, она получает заряд агрессии на работе; по дороге домой надо зайти в супермаркет, купить еду... Она в депрессии. Колодец ее чувств пуст, она уже не может вступать во взаимоотношения. Она приходит домой, а там трое детей. Она их сажает перед телевизором, дает им еду, чтобы они замолчали. А им нужны взаимоотношения, они хотят, чтобы мама взяла их на руки. Но она не может, она в депрессии. Они ее провоцируют, и в какой-то момент она бьет ребенка, и затем сама начинает плакать и зовет врача.

И нам надо понять место нашей агрессивности, нашей злости в нас самих. Я думаю, что те жизненные ситуации, которые причиняли мне сильную боль, необычайно важны. У каждого есть сломленность, мы все в чем-то инвалиды. Нам может казаться, что мы лучше других, но это не так. Мы все сломленные, у всех нас есть злость, агрессивность, депрессия. Могу ли я принять агрессивность Жанин, если я не открыл свою собственную? Могу ли понять нарушения у других людей, если не понял собственных? Могу ли принимать других, если себя не принимаю? Путь, по которому я прошел и по которому буду идти дальше, — это во многом путь открытия самого себя и того, что значит быть человеком. Нам помогают, и в моей общине, в частности, есть замечательные психиатры. Я очень многому научился у психологов и психиатров, потому что мы часто собираемся вместе, чтобы поразмышлять — откуда насилие, откуда депрессия у человека, что могут и чего не могут сделать медикаменты... Я многое понял о себе самом и о богатстве каждого человека, и том, как мы можем помогать друг другу, чтобы становиться более людьми. И, может быть, сражаться, чтобы в нашей жизни было больше мира и меньше угнетения.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

Является ли христианство, по Вашему мнению, религией слабых и угнетенных?

Я бы сказал да, хотя это относится не только к христианству. Но в самом сердце христианства — понимание миссии Иисуса: нести благую весть бедным, то есть возвещать им, что они любимы, приносить свободу узникам и освобождение угнетенным. Это есть в нашей философии, в нашем богословии, в нашей в духовности. Но у нас есть общины в Индии, где вместе живут индусы, христиане, мусульмане. Я думаю, что богословие индуизма и мусульманства менее разработано в этом направлении. Я много работал с мусульманами, и многие из них называют умственно отсталых людей словом «барака», что значит «благословенные». Я бы сказал, что христианство дает философию, богословие, антропологию, духовность, которые могут по-настоящему помочь понять ситуацию. Но я встречал представителей других религий, которые тоже умеют это делать. Иногда мне кажется, что у них меньше богословия, чтобы это обосновать и объяснить...

Имеют ли Ваши ассистенты специальное образование?

Если кто-то хочет стать ассистентом, мы его приглашаем в общину. Некоторые приезжают на год,

и единственное, чего мы от них требуем, это чтобы они хорошо устанавливали взаимоотношения. Ассистент должен уметь слушать таких людей, чтобы не демонстрировать свою силу, но становиться другом умственно отсталого человека. Тем из ассистентов, кто живет в общине дольше, — мы стараемся помогать в их образовании, углублении опыта. В каждой стране это происходит по-разному. Некоторые занимаются трудовой терапией, кто-то изучает психологию. Конечно, в определенном смысле, людям нужно образование. Какое-то образование люди получают и просто живя в наших общинах. У нас есть свои психиатры, психологи, врачи. Но мы не хотим, чтобы ассистенты становились «маленькими докторами». Просто они должны работать вместе, сотрудничать с врачами.

Как преодолеть в себе барьер в общении с умственно отсталыми людьми или вообще с инвалидами, чтобы видеть в них не инвалида, а просто друга и человека?

Это вопрос... Когда ассистенты приходят в наши общины не показать свое знание, а стать друзьями, тогда они открыты для того, чтобы общаться. И это происходит очень быстро, если они способны чувствовать установки другого человека. Если приходит новый ассистент, более опытные ассистенты делятся тем, что знают. В общении надо быть очень чутким к улыбке, к лицу, к телу, чувствовать, чего хотят люди, что их радует, что причиняет боль. И я знаю, что ассистент, который приходит с открытым сердцем, очень быстро входит в общение, особенно если более опытные ему помогают.

Как можно понять ситуацию, когда священник, видя детей со сломленной психикой, называет их бесноватыми и начинает отчитывать или же пытается отделаться от них? Что означает эта ситуация — отсутствие любви?

Недавно, два месяца назад, в Африке я встретился с тем, что инвалидов приковывают цепями к дереву и бьют палками, чтобы из них вышел дьявол. Мне кажется, что за этим стоит очень неверное богословие. Это не значит, что там люди плохие, но просто они не знают, что делать. Приведу пример. Я посетил семью в Африке, в которой была маленькая девочка — Фати-ма. Она аутичная, в ней очень много тревоги, беспокойства. Она никогда не слушалась родителей, просто не понимала их. Иногда она выбегала из дома и открывала дверь сарая, в котором жили свиньи. А это были свиньи соседа. Все свиньи разбежались, и соседи ругались. Что оставалось делать родителям? Они запирали ее в крошечной хижине, одну на целый день. Когда дети психотики, родители совсем не знают, что с ними делать. Бывает, что рядом нет психиатров, психологов, докторов, и они просто говорят: «В нем дьявол». Я не могу обвинять этих людей, я знаю, что им нужна помощь. И я думаю, что подобное вы найдете и в деревнях России, где родители совершенно растеряны и не знают, как быть. Невероятна боль родителей, когда у их ребенка серьезные нарушения. Но если он все же способен устанавливать взаимоотношения — это больно, но ситуация не безнадежна. Ради этого и создана «Вера и Свет» («Вера и Свет» — это родственник, двоюродный брат или сестра «Ковчега»), чтобы дать поддержку родителям. В Москве есть пять общин «Веры и Света»*, в которые входят родители, их дети с умственной отсталостью и друзья. Они собираются вместе, чтобы создавать общину и поддерживать друг друга. Вчера я встречался с ними. Мы пели, танцевали... Давайте поддержку родителям, помогайте им не помещать ребенка в интернат, а жить с ним. Родителям таких детей надо встречаться с другими родителями, а умственно отсталым людям нужно, чтобы у них были друзья. Мы можем помочь друг другу сделать что-то прекрасное. Так что не стесняйтесь узнать побольше о «Вере и Свете», помогайте родителям. И открывайте красоту слабых людей.

Ваши любимые книги?

Книги, которые я люблю, — о Нельсоне Манделе... Читаю о людях, которые борются за освобождение, о тех, кто сражается за мир. Махатма Ганди — человек, которого я люблю слушать. Возможно, вы знаете о Дороти Дэй — замечательной американке, которая жила в трущобах Нью-Йорка, чтобы принимать потерянных людей, помочь им поверить в себя... Я люблю Евангелие.

Какие именно больницы Вы посещали в России, какое они произвели впечатление в сравнении с другими?

Я думаю, что любая психиатрическая больница — это ужасно. Потому что я вижу в большинстве больниц чудовищно одиноких людей, которые сошли с ума от одиночества. Им нужно, чтобы было место, где бы их принимали. Конечно, им также нужно и правильное лечение, хорошие доктора. Но, мне кажется, большинству нужна семья. Может быть, они хотят жить самостоятельно, но нужна какая-то система поддержки. Самое лучшее, что я видел, — это когда больницы пустеют и когда появляются места, где такие люди чувствуют себя принятыми, где их поддерживают. Мне не хотелось бы сравнивать то, что происходит в России, с Францией. Есть и во Франции хорошие заведения и очень плохие. Я думаю, то же самое в России. Это не медицинский, а социальный вопрос: как в деревнях и в городах создать среду, где люди чувствовали бы, что их принимают. Но это также вопрос о том, кто действительно верит в инвалидов и готов проводить с ними время. Люди спрашивают, почему бы не начать «Ковчег» в Москве? Ответ: это произойдет, когда достаточно людей в Москве этого захотят. Мы не можем послать канадцев работать в Москву. Это должны быть люди из Москвы, которые верят в умственно отсталых людей и хотят с ними жить, забирать их из интернатов и поддерживать их родителей.

С какого возраста Вы берете умственно отсталых людей в свою общину? По каким критериям?

Это зависит от страны. Недавно мы основали общину в Зимбабве и взяли туда Мозеса — не большого Моисея, а маленького Мозеса. Он с очень сильными нарушениями, жил на улице, провел три года в больнице, и потом мы приняли его в общину. Теперь в ней еще двое — ребенок и взрослый. Кстати, во многих странах, в том числе и во Франции, больше делается для детей, чем для взрослых.

Когда мы кого-то принимаем, он становится членом семьи — до момента своей смерти. Критерии... Чтобы это были умственно отсталые люди, а не психически больные. Умственная отсталость начинается в раннем детстве, она мешает нормальному развитию ума и чувств. Это люди, которые не могут ходить в обычную школу и не могут найти свое место в обществе.

Ваше отношение к смерти...

Когда нам двадцать два, мы теряем сто тысяч клеток мозга за день. Сейчас мне семьдесят. Я уже потерял много клеток. Зубы выпали, волосы, я не такой сильный, как был, — и это жизнь. Мы начинаем ее слабыми и закончим слабыми. И этого нельзя отрицать. Мы все станем слабыми. Я становлюсь слабее, и в один прекрасный день может что-нибудь случиться с сердцем или... И это нормально, я не хочу против этого бороться. Я люблю жить, но однажды меня не станет. Я буду счастлив, когда умру. Мне хочется посмотреть на вещи с другой стороны, и это меня очень вдохновляет.

Недавно я встретил одну молодую женщину. Она умирала от СПИДа, потому что принимала героин. Удивительная девушка. Мне она очень понравилась, и ко мне она тоже была расположена. Она позвала меня к себе — это было незадолго до смерти. Она была неверующая. И она спросила меня:

— Когда твоя мама умерла, она страдала?

Но я почувствовал, что она спрашивает про себя, и сказал:

— Нет, моя мама не страдала. Страдали люди, которые ее окружали.

И еще я сказал:

— Когда ты умрешь, ты попадешь в мирное место. Это будет необычное переживание.

Она сказала:

— Но я неверующая. Я сказал:

— Ты любишь — любишь людей. Это прекрасно.

Она улыбнулась. Через несколько дней она умерла. Это что-то совсем не похожее на то, как мы это себе представляем... Упасть в руки Бога.

Где Вы берете силы, чтобы любить чужого, часто агрессивного человека, если порой мы не можем

любить даже своих близких? Существуют ли правила взаимоотношений между вашими ассистентами? Есть ли ваши общины в Москве?

Конечно, когда люди живут вместе, возникают проблемы. Проблем в отношениях между ассистентами много. Иначе мы не были бы людьми. Мы пытаемся решать проблемы, понять конфликты, работать с людьми. А где я нахожу силы? В общине, в общении с умственно отсталыми людьми. В доме, где я теперь живу, некоторые люди вместе уже 25 лет, и мы хорошо знаем друг друга. Я буду там сегодня вечером. И они спросят: «Что ты делал в Москве?» Паскаль подойдет ко мне и скажет жестами: «Я молился о тебе». Это дает силы, и особенно в общине... Еще мы любим веселиться.

Многим надоел этот мир: слишком много угнетения, слишком много разделений... Давайте вместе соберемся и сделаем что-нибудь. Мы не можем спасти мир, но вместе мы можем что-то сделать. Все больше и больше людей хотят сделать что-то, и мы — делаем...